

РЕЦЕНЗИЯ

на научный доклад об основных результатах подготовленной диссертации,
выполненный в Отделе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН,
аспирантом третьего курса,
обучающимся по направлению 45.06.01 «Языкознание и литературоведение»
по специальности 10.02.03 «славянские языки», очной формы обучения
Лю Ху
по теме «Мифологический дискурс в Сербии и в Китае (провинция Шаньдун):
этнолингвистическое сопоставление»

Научный доклад аспиранта третьего года обучения Лю Ху, отражающий основные положения подготовленной им научной квалификационной работы (диссертации), посвящен типологическому изучению мифологии двух генетически и территориально удаленных традиций – славянской сербской и китайской шаньдунской. Предметом исследования являются как сами мифологические персонажи, так и их терминология.

Удивительный, на первый взгляд, выбор сопоставляемых традиций оказывается перспективным и даже актуальным. В первую очередь потому, что демонстрирует известную типологическую общность разных мифологических традиций на основе общечеловеческих представлений о природе, мире и человеке в этом мире, еще раз подтверждает единство мировой человеческой культуры (что уже было продемонстрировано на ином материале в сравнительном аналитическом каталоге фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина). Именно эту цель и ставил автор рецензируемой работы – указать на универсальные процессы в формировании мифологических персонажей и процессах их номинации.

В научном докладе Лю Ху излагает цель, предмет, задачи и методы исследования, объясняет его научную новизну, теоретическую и практическую значимость, а также выдвигает положения, которые будут вынесены на защиту в диссертации. Структура работы проста: изложение сербского материала, изложение китайского материала, сравнительно-типологический анализ, выводы – но такая структура оправдана в связи с неочевидной общеизвестностью и даже

экзотичностью изучаемого материала. На этом месте хотелось бы положительно оценить новые записи, полученные Лю Ху в результате полевых исследований (пусть и виртуальных, в соответствии с временем их проведения в период пандемии), но от этого не менее ценных в свете сохранения знаний о местных поверьях, обрядах и мифологических персонажах, а в научной перспективе – расширяющих материал исследования в диахроническом плане.

При описании структуры работы автор кратко, но четко и корректно излагается изученный материал по сербской (I глава) и шаньдунской (II глава) мифологии, точнее, отдельным выбранным ее сегментам: духи природного и домашнего пространства, демоны судьбы и болезни, души грешных людей и полудемоны – для сербской традиции и духи локусов, духи-демоны животных и растений, «нечистые» покойники, люди, обладающие сверхъестественными способностями и знаниями, представления о смерти и судьях загробного мира – для шаньдунской. Приводится большое количество терминов, что иллюстрирует и подтверждает положения и выводы аспиранта. Особый интерес представляют, конечно, малознакомые русскоговорящему читателю китайские материалы, поданные в доступной и понятной форме, с транскрипцией, переводом и в иероглифической записи.

В третьей главе сопоставляются данные, изложенные в первых двух главах. Большая часть материала соотносима в обеих традициях. Не имеют соответствия в китайской традиции сербские демоны судьбы, и наоборот, неизвестные в сербской шаньдунские духи-демоны животных и растений, то есть персонажи, «обладающие душой и способные принимать человеческий облик» (с. 16), иллюстрирующие веру в метемпсихоз в китайской традиции. Действительно, в славянских традициях сохранились лишь осколки, едва уловимые намеки на верования в переселение душ, но китайский материал стимулирует к дальнейшему поиску этих архаических представлений также и у славян.

Среди важных сходств двух изучаемых мифологических систем в работе отмечается значимость и многочисленность духов-покровителей локусов (в том числе горных и воздушных драконоподобных духов – в связи со схожим

географическим ландшафтом); почитание домашней змеи как защитницы семьи и ее трактовка как инкарнации души умершего родственника; сходные представления о «нечистых» покойниках и способах защиты от них.

Различия же касаются таких философских категорий народной мифологии, как представления о душе, ее посмертном существовании, возможностей ее перерождения. Здесь решающую роль играли официальные религии в изучаемых регионах: христианство для Сербии и даосизм и буддизм для Шаньдуна. С этой же темой связаны и различные представления о судьбе в обеих традициях: наличие специальных демонов, определяющих судьбу новорожденного в сербской и зависимость судьбы человека от того, какую жизнь прожила его душа в прошлом, в шаньдунской традиции.

Несмотря на принципиальное различие представлений о душе, китайский материал способен иногда объяснить или восполнить недостающие звенья в славянских верованиях. Например, в пассаже о китайских «нечистых» покойниках (даже в том кратком виде, в каком материал подается в докладе) можно найти объяснение славянским поверьям о душе и духе, очистых духах предков и «заложных» покойниках, превращающихся в упырей, на основе представлений о двойственной, материально-духовной сущности человеческой души, отраженных, кстати, и в финно-угорских традициях в виде идеи о множестве душ. Например: «Согласно китайской традиции, духовная часть души в момент смерти человека покидает его и возносится на небо, превращаясь в дух *шэнь*, материальная же часть уходит вместе с ним в землю, превращаясь в дух *гуй*. Под *гуйем* понимается мифологический персонаж, который продолжает возвращаться к живым людям в качестве голодной, неуспокоенной души, превратившейся во вредоносного демона» (с. 19). Надо ли говорить, что подобные внешние сравнения расширяют наше понимание народной мифологии и способствуют реконструкции ее древнейшего вида. Обращение с «ходячими» покойниками в двух традициях похоже до деталей: использование *кольев*, сжигание трупа, и т.п. Остается надеяться, что в дальнейшем Лю Ху углубит и

